

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 23 (3679) Четверг, 21 февраля 1957 г. Цена 40 коп.

К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Год большого расцвета

Продолжаем публикацию бесед с министрами культуры союзных республик о наиболее интересных событиях культурной жизни, которые произошли в юбилейном 1957 году. Сегодня на вопросы корреспондента «Литературной газеты» отвечает министр культуры Латвийской ССР Я. Остров.

Другой новый большой коллектив — ансамбль советской песни, который организуется при Главном управлении радиодиффузии. В его составе — пятьдесят человек. Ансамбль будет выступать под управлением дирижера Теодора Калнина.

Недавно при Латвийском отделении Музыки СССР решено создать новое музыкальное издательство. Ежемесячно оно будет выпускать сборники новейших произведений латышских советских композиторов, прежде всего хоральные песни.

Вопрос. Какие значительные культурные события произошли в Латвии в юбилейном году?

Ответ. Вся республика готовится достойно отметить 40-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. К этой дате приурочивается большая выставка латышского изобразительного искусства. Театры дадут новые спектакли на историко-революционные темы. Уже состоялась премьера героической драмы Яна Гривы «Разгиралася метель...», посвященная красным латышским стрелкам. Пьесу поставил Академический театр драмы Латвийской ССР. Одним из наиболее значительных событий культурной жизни этого года будет республиканский съезд работников культуры. Он должен мобилизовать их на выполнение огромных задач, поставленных XX съездом КПСС. Съезд обсудит вопросы дальнейшего развития самодеятельности, лекционной работы, работы культурпросветучреждений, широкого привлечения сельской и городской интеллигенции к культурной работе.

В этом году в республике будет создано Общество культуры. Цель его — способствовать всемерному развитию всех видов культурно-художественной самодеятельности. Уже разработана устав обществу.

Вопрос. Как расширяются культурные связи между Латвией и другими братскими республиками?

Ответ. В этом году проведем первый музыкальный фестиваль трех прибалтийских республик. На нем будут исполнены произведения композиторов Литвы, Эстонии и Латвии, написанные в 1956—1957 гг. В фестивале примут участие лучшие исполнители и музыкальные коллективы трех республик. К этому фестивалю будет проведен также конкурс на лучшую массовую песню.

Кроме того, латвийские театры примут участие во 2-й «Прибалтийской театральной весне», которая в этот раз состоится в Вильнюсе.

Начиная с нынешнего года думаем также вести в традицию совместные концерты исполнительских коллективов братских республик. Намечаются, в частности, совместные хорные концерты, в которых примут участие одновременно по два латвийских и эстонских хора. Концерты состоятся в обеих республиках.

Вопрос. Какие еще события произошли в музыкальной жизни Латвии?

Ответ. Наша музыкальная семья пополнилась двумя новыми исполнительскими коллективами. При Латвийской государственной филармонии создается эстрадный оркестр. Руководить им поручено молодому музыканту, дирижеру и композитору Рингольду Оре, студенту последнего курса консерватории. Оркестр будет иметь оригинальный репертуар — значительное место в нем займут произведения о Риге, о море, о нашей республике. Оркестр будет пропагандировать лучшие образцы советской и иностранной эстрадной музыки.

Вопрос. Увеличилась ли выпуск художественной литературы в Латвии?

Ответ. Да, увеличилась, и значительно. Если в 1954 году мы издали 144 книги художественной литературы тиражом в 2 437 000 экземпляров, то в 1957 году выйдут 211 книг общим тиражом более 4 миллионов экземпляров. Это превышает на миллион экземпляров тираж всех книг, выпущенных в Латвии в 1937 году. Среди издаваемых в этом году произведений — романы Виласа Ладиса, Анны Саксе, Яны Гривы, Яны Ниендре, первые тома полного собрания сочинений народного поэта Латвии Яна Судрабалса. Выйдут книги некоторых революционных латышских писателей. Из досоветской литературы наследием писателя получат произведения Яна Порука, Карла Скалбе, Яна Юндрабина, Эрика Адамсона. Из литературно-критических трудов обращает на себя внимание большая книга Андрея Уинта «О проблемах социалистического реализма». Широкий круг переводимых на латышский язык произведений писателей русской и других братских литерату-

★ Создается Общество культуры Латвии.
★ Первый музыкальный фестиваль прибалтийских республик.
★ Новый эстрадный оркестр и ансамбль советской песни.
★ Спектакли под открытым небом.
★ Широкоэкранные кинотеатры.
★ 4 миллиона книг.

тур. Из иностранной литературы выйдут книги Вределя, Ремарка, Золя, Гашека, Драйзера и ряда других писателей.

РИГА. (Наш корр.).

тур. Из иностранной литературы выйдут книги Вределя, Ремарка, Золя, Гашека, Драйзера и ряда других писателей.

Нерушимая дружба братских народов

1. За последние годы в Народной Республике Болгария побывало довольно много советских журналистов, писателей, деятелей науки и искусства. Если собрать вместе опубликованные ими очерки, путевые заметки, получившие бы большую книгу. Книга о чудесной стране, о дружбе братских народов, о жизни и труде болгарского и талантливого народа, о стойком и мужественном, удивительно сердечном и гостеприимном и всетаки, взятой в качестве гостеприимца по сегодняшней Болгарии, книга эта оказалась бы кое в чем явно уже устаревшей; так стремительно меняется облик страны, так быстро шут вперед ее экономика и культура.

В этом убеждаешься с особой наглядностью, если тебе вновь пришлось приехать в те места, где ты уже в некоторые времена назад. В апреле 1954 года болгарские товарищи с гордостью показывали нам, группе советских журналистов, первую очередь металлургического завода имени В. И. Ленина. Своя, отечественная сталь! Потом мы ходили по огромному пустырю, и увы, в весенней грязи, старались мысленно представить себе будущий доминный цех. Первоклассный. Оборудованный по последнему слову техники... И вот строительство этого мощного цеха подошло к концу, скоро Болгария будет иметь не только свою сталь, но и свой чугун. Разросся завод. Разросся рабочий городок. Честно говоря, я не сразу узнал эти места — так многое здесь изменилось.

Трудно узнать сейчас и долину реки Писыр неподалеку от болгарской столицы. Кажется, совсем недавно тынюлся сюда со всех концов Болгарии бригады строителей с неизменными своими сумками и котомками. В ущелье гремели взрывы. Сотни людей были заняты на рытье котлованов под основание плотины. Ныне бетонное тело плотины преградило путь буйному Искру, и, укрощенный, он наполнил долину, образовав озеро емкостью 670 миллионов кубометров. Это самое большое искусственное водохранилище в стране. По водонапорным туннелям вода идет к двум электростанциям. Даже в наиболее засушливые годы водохранилище обеспечит бесперебойное действие связанных с ним гидроэлектростанций и строящейся Софийской оросительной системы.

Нас, советских людей, нелегко удивить масштабами строительных работ, сооружение крупных водоемов и даже искусственных морей. Однако тот огромный труд, который вложили болгарские строители в создание этого и других водохранилищ, может вызвать только самое искреннее восхищение. Я не инженер и поэтому не берусь судить о том, можно ли было сделать что-то лучше, чем сделано в этом сложном комплексе гидротехнических сооружений. Но перед народом маленькой страны, свершившим такой трудовой подвиг, хочется снять шапку.

До того, как вступить на социалистический путь, Болгария была одной из наиболее экономически отсталых стран Европы. Теперь она — промышленно развитое социалистическое государство. В нашей печати уже сообщалось, что абсолютный объем ее промышленного производства увеличился в 1956 году по сравнению

с довоенным уровнем более чем в шесть раз. По производству важнейших промышленных изделий на душу населения Болгария значительно обогнала многих своих соседей и, в частности, Грецию и Турцию. В печати сообщалось также, что в сельском хозяйстве Болгарии на долю социалистического сектора в начале нынешнего года приходилось уже 78 процентов всей обрабатываемой земли.

2. Что производит самое сильное впечатление на каждого из наших людей, побывавших в социалистической Болгарии? Это крепкая вера болгарского народа в правильность избранного им пути и чувство огромной симпатии и любви к Советскому Союзу.

Свою глубокую преданность делу социализма болгарский народ проявляет в самоотверженном труде, в преодолении трудностей, неизбежных в таком сложнейшем деле, как строительство нового общества. Эту преданность он проявил и тогда, когда империалистические силы организовали контрреволюционный мятеж в Венгрии, пытаясь расшатать социалистический лагерь, расколоть его ряды. Рабочий класс, все трудящиеся Болгарии, в том числе и болгарская трудовая интеллигенция, горячо одобрили помощь Советского Союза венгерскому народу в разгроме сил контрреволюции и оказывают братскую поддержку Венгерскому Революционному Рабоче-Крестьянскому Правительству.

Наша интеллигенция, принимавшая активное участие в борьбе против фашизма, вооружена здоровой идеологией и глубоко сознает свою ответственность перед народом, — заявил на страницах газеты «Литературный фронт» в связи с венгерскими событиями болгарский писатель, академик Людмила Стоянов. — Роль интеллигенции — призывать на борьбу против контрреволюции, разоблачать реакционные центры и их империалистических покровителей. Что касается места болгарских писателей в эти дни, — они единодушны в деле защиты завоеваний революции в нашей стране, в деле защиты труда и героических усилий нашего народа в построении социализма. Они полностью по знаменам партии.

Другой писатель, Георгий Караславов, подчеркнул, что болгарские писатели всегда были на стороне народа. «Наши писатели в эти дни, — они единодушны в деле защиты завоеваний революции в нашей стране, в деле защиты труда и героических усилий нашего народа в построении социализма. Они полностью по знаменам партии».

3. В Болгарии плодотворно трудятся большой, талантливый коллектив писателей. Они с живым и пристальным интересом следят за развитием советской литературы, высоко ценят многие ее произведения. В руках болгарского народа, говорит Стоян Даскалов, советская литера-

тура всегда была революционным оружием. С «Поднятой палицей» болгарские крестьяне вспахивали межи и вели трудную классовую борьбу в период переустройства села. С книгой Александра Фалеева «Молодая гвардия» болгарские солдаты стояли на посту, охраняя завоеванную народом свободу.

А Орлин Василев писал недавно, что творческий труд советских писателей и мастеров искусства «вложен навеки в основы всей жизни Болгарии — в наш труд, в нашу свободу, в нашу радость, в наше спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. И если сегодня болгарский народ един и сплочен, если он под руководством своей коммунистической партии так успешно создает непрелюбимые великим Лениным, если он готов отстаивать свои завоевания от всяких посягательств империалистов и илти при всех обстоятельствах плечом к плечу с народами Советского Союза в борьбе за мир, — во всем этом есть вклад советской литературы, всего советского правдивого, человеческого и волнующего искусства».

Нет сомнения в том, что связи между писателями Советского Союза и братской Болгарии год от года будут все больше крепнуть и развиваться. И пусть эти связи становятся все более деловыми. Мне припоминается один разговор с товарищами из редакций газеты «Литературный фронт». В откровенной беседе они высказали ряд существенных критических замечаний по содержанию статьи о болгарской литературе, помещенной во втором издании Большой Советской Энциклопедии, выразили неудовлетворенность некоторыми вступительными статьями к издаваемым в Москве произведениям болгарских писателей.

— А почему бы вам не покритиковать эти работы у себя в газете или на страницах журнала «Сентябрь», а то и написать о них в один из московских литературно-художественных журналов?

— Знаете ли, это как-то у нас не было принято.

— Но разве дружба и взаимное уважение не предполагает товарищеской критики, когда в ней есть необходимость? Ведь наши дружеские замечания очень помогли бы нашим московским литераторам и издательским работникам, занимающимся болгарской литературой.

4. Глубокие исторические корни и вековые традиции имеет дружба советского и болгарского народов. Зародившись в далекие времена, она достигла своего наивысшего расцвета в период, когда Болгария стала народной республикой и пошла по социалистическому пути. Взаимоотношения наших стран успешно развиваются и крепнут на основе ленинских принципов пролетарского интернационализма, принципов равноправия и братской взаимопомощи, взаимного уважения суверенитета и национальных интересов, невмешательства во внутренние дела.

Пребывание в Москве Правительственной делегации Народной Республики Болгарии, возглавляемой Председателем Совета Министров Антоном Юговым, и переговоры между Правительственными делегациями Советского Союза и Народной Республики Болгарии являются новым серьезным шагом вперед в укреплении и развитии сотрудничества между нашими странами, в укреплении мира во всем мире.

В. КОСОЛАПОВ

НА ТВОРЧЕСКИХ ОБСУЖДЕНИЯХ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Сектор советской литературы Пушкинского дома Академии наук СССР организовал обсуждение произведений ленинградских писателей, опубликованных в 1956 году.

Докладчик кандидат филологических наук А. Павловский главное внимание уделил работам прозаиков и поэтов. К наиболее значительным литературным явлениям прошедшего года он отнес роман Э. Грина «Другой путь», написанный на благодарную тему дружбы народов. Внимание читателей привлечет очерк Ю. Помозова «Неси плоть, Тисса!» и его повесть «Мое Польше». Эти произведения радуют богатой образностью, прозрачностью языка. Немало у нас и в книге рассказов Я. Ильичева «Крымские встречи». В центре внимания ряда ленинградских писателей оказалась тема формирования характера молодого советского человека. Повести А. Володина «С чего началось» и Е. Васюковой «Варя» подкупают правдивостью и точностью в изображении психологического мира героев. Тем воспитания молодежи посвящен и роман В. Бакинского «Ученые годы Андрея Шабанова», о котором докладчик отозвался как о мало удачной книге. Здесь автор — лишь педантичный регистратор событий, и только.

— Эта фактографичность, — говорит он, — свойственна, на мой взгляд, и роману С. Кулера «Признание», книге К. Коничева «Повесть о Верешане».

Наиболее примечательными в области поэзии А. Павловский считает новые циклы стихов О. Берггольц, М. Дулина, А. Прокофьева. В целом же ленинградские поэты в минувшем году работали ниже своих возможностей. Во многих стихах не чувствуется глубокого изображения действительности. Выступавшие на обсуждении аспирант В. Смирнов, кандидаты филологических наук П. Выхуцелен и В. Тимофеев, доктор филологических наук В. Ковалев и другие остановились на драматургических произведениях, на стихах из сборника «День поэта». Научный сотрудник С. Малахов, говоря о поэтическом отделе журнала «Звезда», отмечает ряд удачных произведений П. Кустрова, Л. Хаустова, Н. Брауна.

Можно, конечно, соглашаться или не соглашаться с оценками и выводами, которые сделали участники обсуждения (в своем большинстве — научные работники Института русской литературы). Тем более, что отдельные стороны деятельности ленинградских писателей остались неосвоенными и, в частности, большой вопрос о появлении в Ленинграде именно в 1956 году многих молодых прозаиков и поэтов, выступивших со своими первыми книжками. Но, спорить, доводящая выступление было некому. На обсуждении отсутствовало главное действующее лицо — ленинградские писатели. Второй раз институт организует мероприятие подобного рода. Казалось бы, писательская организация прежде всего будет заинтересована в том, чтобы всесторонне и глубоко проанализировать произведения минувшего года. Но прошлогоднее обсуждение прошло при очень малой активности писателей, а на этот раз они и вовсе не пришли в институт. Вряд ли можно считать также положение нормальным. Особенно, если учесть, что в Ленинградском Доме писателя давно уже не было интересных дискуссий и обсуждений. А ведь поговорить есть о чем!

ЧЕБЮКСАРЫ. (Соб. инф.). Правление Союза писателей Чувашии провело двухдневную творческую конференцию писателей, на которую были приглашены и представители других творческих организаций. На конференции обсуждались итоги литературного года. В 1956 году появились повести А. Артемьева «Салампи», М. Ухсай «Буйные ветры», Н. Ильскова «Черная роза». В Салае опубликовал вторую книгу романа «Легкий». А. Талвир — первую книгу повести «Снова».

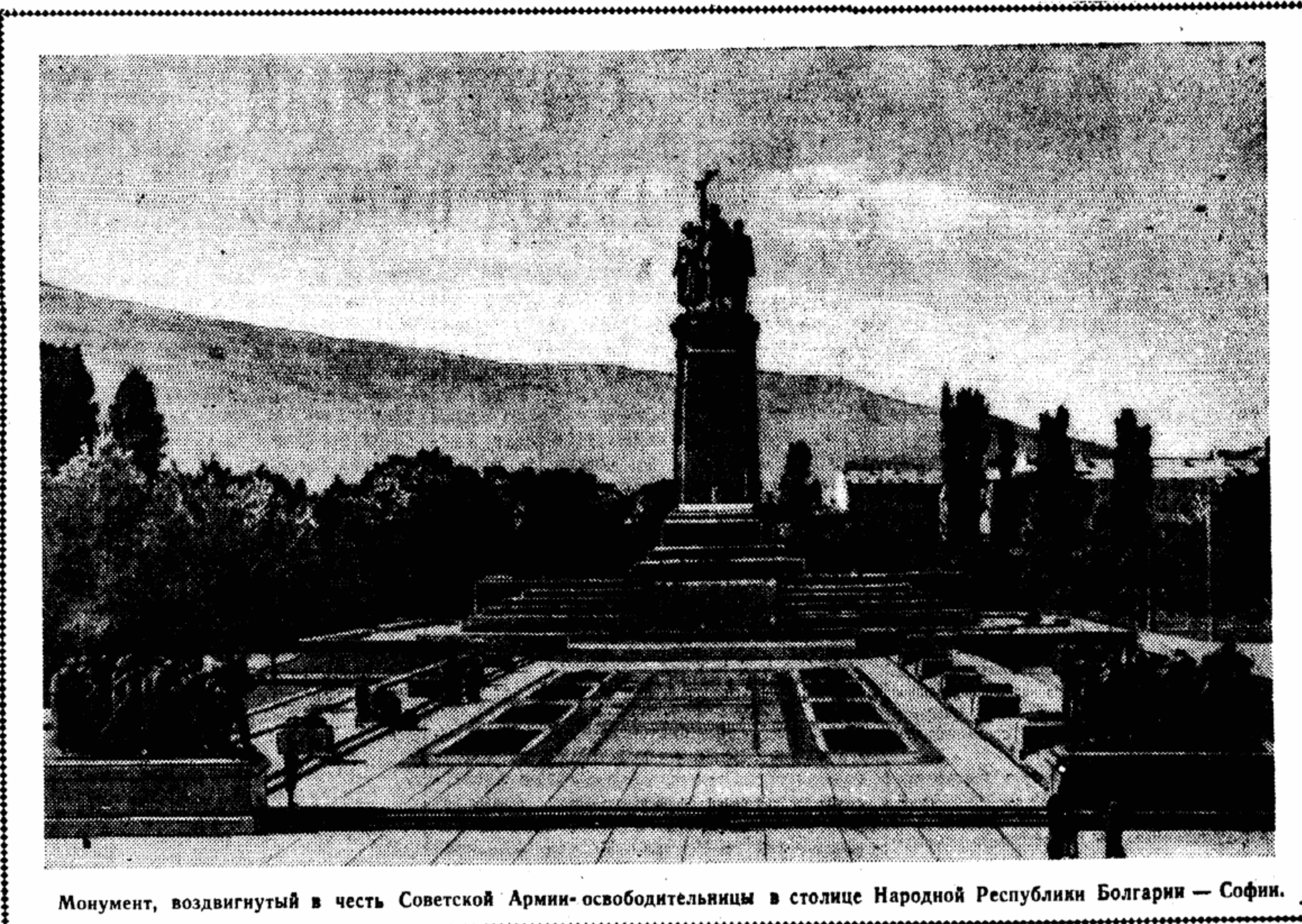
Все эти произведения упоминал докладчик по прозе А. Кузьмин, говоривший о возросшей творческой активности чувашских прозаиков. Докладчик подчеркнул, что сейчас в чувашской прозе особенно остро стоит проблема мастерства.

С. Шавлы проанализировал работу поэтов республики. В. Алагер в своем докладе о чувашской драматургии критиковал автор пьес за мелкое решение темы любви. В обсуждении принял участие более 20 человек. Поэт П. Кузааный говорил о роли советских писателей в разоблачении реакционной идеологии международного империализма. Писатель Ю. Лаптев (Москва) посетил свое выступление общим проблемами социалистического реализма. Секретарь правления Союза писателей Чувашии В. Долгов критиковал тех авторов, которые стараются придать произведению национальный колорит, чрезмерно увлекаются этнографизмом. О необходимости повышать идейную вооруженность писателей говорил В. Краснов (Асли).

Взвешивая отдаленные проанализировать и агитационный обком КПСС Д. Абашев критиковал схематично, неверное изображение жизни в некоторых произведениях чувашских писателей. Председатель бюро русской секции Союза писателей Чувашии Н. Черепанова рассказала о работе русских прозаиков и поэтов республики, упрекла республиканскую критику в том, что она почти не уделяет внимания произведениям русских авторов. Об отставании и недостатках литературной критики говорил и Г. Титов.

Проблемы драматургии были затронуты в выступлениях К. Иванова, А. Новикова, Н. Терентьева, М. Сироткина.

С. ТОЛСТОВ, член-корреспондент Академии наук СССР

Монумент, воздвигнутый в честь Советской Армии-освободительницы в столице Народной Республики Болгарии — Софии.

ДЛЯ ШИРОКОГО ЭКРАНА

Первые широкоэкранные фильмы начали демонстрироваться в нашей стране полтора года назад. В настоящее время в различных городах страны работает около тридцати кинотеатров, подготовленные помещения еще для двадцати. Как сообщили корреспонденту «Литературной газеты» в Министерстве культуры СССР, в текущем году предстоит построить здания и обеспечить оборудование еще для ста сорока широкоэкранных кинотеатров; сто из них должны начать показ картин до 1 января 1958 года.

— Какие же новые фильмы для широкого экрана ожидаются в этом году?

— Ближайшей премьерой, — сообщил начальник Главного управления кинофикации и кинопроката Министерства культуры СССР Ф. Кузев, — будет по-видимому, кинокартина «Дон Кихот» (студия «Ленфильм»); производство ее должно быть закончено в текущем месяце. В марте Киевская киностудия предлагает снять фильм «В летнюю ночь». Кроме того, киностудии должны выпустить в течение года еще пять художественных картин «Афанасий Никитин», «Сестрица Аннушка», «Полночь на острове», «Партизанская искра», «Олеко Дунаев» и полнометражный документальный цветной фильм «Цирк». К сожалению, выход большинства этих картин намечен на последние месяцы года или, в лучшем случае, на октябрь-ноябрь. Если учесть, что для сдачи в прокат требуется еще одна-две недели, то зрителям увидят их в будущем году.

Несколько картин снимаются и в студиях документальных и научно-популярных фильмов. В основном это короткометражные видовые фильмы: — Будут ли демонстрироваться на широком экране зарубежные фильмы? На этот вопрос Ф. Кузев ответил, что в первом полугодии решено приобрести и дублировать четыре зарубежных полнометражных цветных художественных фильма. На студии имени Горького уже закончена работа по дублированию французского фильма «Лучшая доля» с участием Жерара Филиппа.

Советские ученые работают сейчас над рядом проблем, имеющих важное значение для развития экономики, науки и культуры. «Литературная газета» обратилась к нескольким видным ученым в области физики, технических наук, геологии и других отраслей знания с просьбой рассказать об этих работах. Сегодня продолжаем публиковать полученные нами сообщения.

ЗА ГРАНЬЮ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ...

Нынешний год обещает быть знаменательным для постоянных участников Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Так как в этом году в работе всего Института этнографии Академии наук СССР, ограничившись лишь той частью ее, с которой связаны мои личные научные интересы.

Вот уже шесть лет наша экспедиция ведет раскопки крупнейшего памятника культуры античного Хорезма — крепости Кой-Крыган-кала, уникального произведения классического хорезмийского зодчества. Во всем существовании этой крепости — IV век до нашей эры — I век нашей эры — в нынешнем году эти раскопки будут завершены.

Кой-Крыган будет вторым по значимости раскопанным памятником античной культуры Хорезма, да и всей Средней Азии в целом. Первым был дворец III века нашей эры в чертовой горе Топрак-кала. Таким образом, работы, завершающиеся в 1957 году, открывают перед нами еще более древнее время истории народов Средней Азии.

Шестнадцатая работа в крепости Кой-Крыган дала нам обильный археологический материал, разносторонне характеризующий культуру классического Хорезма: его хозяйство, изобразительное искусство, письменность, быт.

Обработка этого материала близится к концу, и в исходя году мы рассчитываем закончить и сдать в печать научный отчет о раскопках, включая и материалы заключительного полевого сезона.

Применение новейших аэрометодов позволило нам в последние годы широко развернуть изучение древних ирригационных систем, следы которых сохранились на Амударье и в древних приходах Окружающего Хорезма пустыни. Изобилие памятников древней ирригации. Они, а также первобытные античные и средневековые поселения, расположенные на древних руслах Амударьи, позволяют восстановить историю прошлого земледелия Хорезма начиная с бронзового века (середина II тысячелетия до нашей эры) до XIX века. По этим же археологическим источникам можно судить о многократных изменениях направления течения великой среднеазиатской реки. В этом году выйдут в свет второй том «Трудов» Хорезмской экспедиции, подводящий итоги ее работ за 1949—

1953 гг., а также монография «Нильская Амударья. Сарыкмыш. Узбой (История формирования и заселения)». Расширяя круг наших изысканий, мы в последние годы начали исследование памятников, оставленных кочевыми и полукочевыми племенами, тесно связанными с древним Хорезмом. Племена эти играли крупную роль в истории Хорезма, особенно в конце античного периода, приходящегося на IV—V века нашей эры. К этому времени относятся два интереснейших памятника, раскопанных нами в 1956 году. Это Барак-Там — группа замковых полукаменных гунских племен, расположенных в северо-восточной части Амударья, недалеко от юго-восточного угла Аральского моря, и каменная крепость Игды-кала на среднем течении древнего каспийского протока Амударьи — Узбой. Оба памятника относятся к IV веку нашей эры. К более позднему времени (VI—VIII века нашей эры) относится открытое нами крупное городище гунно-тюркских племен, находящееся в центре современной пустыни Амударьи.

Особенно интересны результаты раскопок Барак-Там. Здесь, в верхнем этаже замка, был вскрыт большой квадратный зал, перекрытый двумя скрепляющимися арками из сырцового кирпича. Архитектурное решение этого уникального памятника представляет один из наиболее ярких примеров перенесения на сырцовое здание архитектурных форм ковчежеского жилища — юрты.

Барак-Там порадовал нас и еще одной интересной находкой: был обнаружен большой многоцветный ковер, покрывавший пол. Это первая находка образца коврового искусства Средней Азии античного периода, если не считать знаменитый ковер из Пузынокского кургана на Алтае. Последний, по нашему мнению, также среднеазиатского происхождения.

В ближайшие годы нашей центральной задачей станет изучение памятников степных племен. В нынешнем году главным объектом наших работ по этой проблеме будет крупнейшее городище скифского племени апасаков — крепость Чирик-Рабат на среднем течении древнего русла Жаны-Дарьи. Таким образом, коллектив нашей экспедиции постепенно переходит к исследованию все новых и новых сторон истории одной из древнейших цивилизаций нашей страны.

С. ТОЛСТОВ, член-корреспондент Академии наук СССР

СТИХИ Владимира ЛАЗАРЕВА

рев тогда неровно — рядом с живой, обрабатывая строки подражательские, науманные или просто вычитанные из книг.

Но, как видно, ни время, прошедшее со дня совещания, ни те суровые и вместе с тем зашифрованные слова, которые говорили поэты Лазареву, не прошли для него даром.

Сейчас Владимир Лазарев двадцать лет. Он живет в Туле, учившись на горном факультете Механического института, пишет стихи, мечтает о своей первой книге в Москве.

Михаил МАТУСОВСКИЙ

УСТНОЕ СЛОВО ЛИТЕРАТОРА

Не так давно нам довелось принять участие в бурной беседе, возникшей в рабочем общежитии завода «Ростсельмаш».

Борис ИЗЮМСКИЙ

Началось с выступления молодого рабочего З. То и дело приглашали светлые, словно припомаженные, длинные волосы, он говорил с вкрадчивой убежденностью.

— Если я попал в среду, где ругаются, чего ж я буду из себя гнилого интеллигентика разыгрывать? Я подлаживаюсь...

— Да он, братцы, и рабочий-то без году неделя — из дачки к нам пожаловал...

— Слова не поприси даже, а сам вчерашний десятиклассник, молодой рабочий Воробьев.

— Я вот много думал: почему в нас так ругань влезает? Как ее искоренить? Он говорил искренне, не падал себя, то и дело требовательно спрашивал:

— Как ответить на такой вопрос? Вопросы были обращены прямо к нам, от них нельзя было уйти.

Верю — эта беседа в рабочем общежитии надолго запалет в души ее участники. Меня же она еще более утвердила в мысли: как важно почаще встречаться с читателями и говорить с ними не только на литературные темы, а и обо всем, что их волнует.

Мне известен случай, когда один крупный, любимый читателями писатель в последнюю минуту отказался выехать из Москвы в Горький, где два месяца готовились к встрече с ним, отказавшись только потому, что ему не достали билет...

Ростовская писательская организация пользуется у читателей заслуженным уважением, но и здесь далеко не все «легко на подъем», когда речь заходит о выезде в колхоз, на завод, в оранжерейную библиотеку, чтобы словом своим, добрым именем утверждать самое дорогое для всех нас.

Обычно отказы прикрываются ссылками на чрезвычайную занятость или творческую сосредоточенность. В действительности же сплошь и рядом дело объясняется пренебрежением к товарищам по профессии, отсутствием вкуса в такой работе, как обращение к читателю с устным словом.

Да, это работа. И очень нелегкая. Именно так отнеслись к своим поэдам, встретив с читателями Максим Горький и Владимир Маяковский, везде и всегда чувствующавшие себя людьми, работающими на будущее.

От иного писателя можно услышать фразу: «Мне уже ничего не дает эти встречи». Но откуда это высокомерное мне?

Весь каждый писатель — это и учитель, воспитатель, пропагандист нового, передового. В Великую Отечественную войну мы были военными, комсомольцами, агитаторами — политическими работниками. А сейчас? Многие ли из нас выступают с лекциями, докладами, устным взволнованным словом?

В московском бюро пропаганды художественной литературы мне с огорчением говорили: «Чем крупнее, известнее писатель, тем труднее, почти невозможно уговорить его выступить перед аудиторией». Почему? Ведь речь идет не о непривычном каком-то «гастролировании», отвлекающем от рабочего стола, и не о выступлениях непременно за деньги (выступления бесплатны). Речь идет и не о том, что нужно только себя самому, а о том, что нужно читателю.

Стало считаться правилом хорошего тона говорить о нашем читателе как об оцепеневшем, замечательном. И это не фраза вежливости, а правда. Где еще есть такой читатель, который, подобно намему, ненавидел бы, как собственного недруга,

га, серую, фальшивую книгу, всем жаром сердца согрелая человека, написавшего хорошую вещь? Где еще есть такая читатель — неутомимый, любознательный, иногда даже грубовато вмешивающийся в твои дела и замыслы, но неизменно доброжелательный и честный?

Нет, фальшивит тот, кто говорит, что «ничего не получает» от встречи с читателями. Конечно, если дело сводится к ученическому пересказу содержания книги, сидеть на таких «конференциях» мучительно. Но разве не в наших возможностях обернуть встречу беседы, заветь за живое участником ее? А как самого тебя обогащает такой разговор? Новые характеры, лица, судьбы, неожиданные споры. Вот когда узнаешь с необычайной достоверностью, что волнует читателя, чувствуешь их настроение, запросы, и тебе самому ясное становится, для кого ты пишешь, что во взглядах твоих читателей нуждается в опровержении, а что с готовностью следует поддержать. Нет, только тот, у кого притупилась способность свежего восприятия жизни, кто заражен манер величия, только тот рассматривает встречи с читателями как обременительную повинность.

О, к такому сиятельному литератору достучаться читателю необыкновенно трудно. Месяцами делятся переписка с ним, звонки, улаживания, и, наконец, — списочек. Право же, достальные это переписки, и уж никак не в лицу они тому, кто знаниями своими, опытом и талантом служит народу.

Я вовсе не ратую за то, чтобы писатель мгновенным выездом отключался на каждый телефонный звонок, бросал на полпути работу для поэзии из Новосибирска в Донбасс, — это не всегда в его возможностях. Нет, не об этом разговор.

Мы сейчас живем в необычно бурное время. Не нам стоять в стороне от больших свершений и больших проблем, которые выдвигает жизнь. Нет, в пекле, на колхозном току, в студенческой аудитории или молодежном общежитии, школьном классе должны мы — и не только литераторы, а и художники, артисты, представители всех родов войск искусства — выступать пропагандистами нашей партии, страстными защитниками великой коммунистической правды, убежденными бойцами, наступающими на гнилое, чуждое, враждебное.

Руководство такими выступлениями, мне кажется, — одна из важнейших задач идеологической работы местной писательской организации, ее партийного ядра в особенности. Зная возможности каждого писателя, его близость к той или иной аудитории, его склонности, сильные и слабые стороны как беседчика, надо направлять эту работу, рассматривать ее как важнейшую часть партийной деятельности.

А к чему порой сводятся сейчас наши встречи с читателями? Немного биографии, несколько шуток (у писателя, расположившего к ним) и, наконец, чтение отрывков, чаще всего из своих уже напечатанных произведений, чтение, что греха таить, частью весьма монотонное, скучное.

Не маловато ли для арсенала бойца? И опять невольно обращаясь с воспоминанием к Горькому и Маяковскому. Вот выступает Маяковский в ростовском клубе «Васютин»:

— Набрав разговор на местные темы, — обращается он к собравшимся. На поэта наскакивают недоброты, злопыхатели. Его забрасывают провокационными вопросами, гудами записок. Но он идет в атаку — острим словом, меткой стихотворной шуткой, страстно беспредельно преданного Советам человека. И гуды, пришедшие на вечер, позорно отступают, оставляя поле боя за поэтом. А он бросает им вслепую:

— Говорите, «подлаживались» в революцию? Нет, службу народу. Это почетнее, чем быть директором у Форда!

Или вспомните поэзию по стране Алексея Максимовича Горького:

Когда он приехал к нам на Дон, то и здесь, как везде, мы почувствовали, увидели в нем не знатного туриста, а близкого человека, влюбленного в свою социалистическую страну, в ее молодые силы. Он выступал перед рабочими «Ростсельмаша», в совхозе «Гигант»; он был насыщен в своем желании увидеть, поговорить с новым читателем Советской России и, по его собственному признанию, находил у создателей новой жизни и для себя огромную «духовную бобрость».

Пусть же и сейчас каждый приход писателя к читателю будет событием, и событием политическим. И такая встреча оставит на всю жизнь след в сознании читателя, возможно, не менее глубокий, чем книга того же писателя.

Ростов-на-Дону

О СОКРОВЕННОМ

Подолгу пишу и читаю. Занотет в руках и плечу, — Откинусь назад... и встречу Внимательный взгляд Ильича. И долю секунды гадою, И вспомнить не в силах того Забытого мига, когда я Впервые увидел его: Мне с детства знакомы и святы Черты дорогого лица... А разве припомнишь, когда ты Впервые увидел отца?

ВОСПОМИНАНИЕ

Стоит издревле крепость над откосом, А на стене среди затертых слов Нечертано прерывисто и косо: «Считайте коммунистом. Иванов».

...Должно быть, рана ныла, не смолкала, Клонилась, тяжела голова, И человек, последний умирая, Штыком граненым высекал слова.

Я не лежал под пулеметным свистом. Я лишь сегодня начинаю жить. Какой же надо подвиг совершить, Чтоб озвучить, что стал я коммунистом!

НАХОДКА

Я пролетел по саду, по крыльцу, Разжал ладони и показал отцу В пыли дорожной найденную где-то Старинную затертую монету.

А он смотрел, травинку перебрал, Вдалеку невидимую точку И вдруг сказал: — Ладосха у тебя, Как у последней маленькиной дочки.

От всех тайком я руки потянул, Держал в руке, пока не кончались, Потом сушил на солнечном ветру, Чтобы они быстрее загрузбли.

Ни ветер, ни студеная вода Не привели меня к желанной цели. И руки оставались, как всегда, Девачьи.

Только разве покраснели... Но как-то мы пошли пилить дрова — На школьный двор их много навезли. Через часок кружились голова, Спины и руки с неприязнью ныли...

Потом, когда пропал последний пыл, И пальцы жгло от деревянной ручки, Я на ладони глянул и ахнул: На них горела первая получка!

Уже проснулись в окна огоньки, Но, позабыв усталость и работу, Я пожелал, сжимая кулаки, Как будто потерял боялся что-то.

— Гляди, отцу, гляди... В моих глазах Обида нахлупала поневеле. Я кулаки раскрыл и показал, Как драгоценность, первые мозоли.

ТЕНЬ

То бредет шажком, то рвется бегом. Принимаю самый разный вид, Тянется тосливо за телогой, С поездом стремительно летит.

Но, чужое переняв движенье, Не оставит на земле следов... Не хочу я оказаться тенью Даже сверхкурьерских поездов!

Дальний рож замечанная кромка. На колосьях — оттики зари, Скольких слов, неслыханных, негромких, Хочется Отчизне подарить.

Только словом чувства не измерить! Может быть, кого-то оскорблю, Но привлек я смысловатое не верить Тем, кто часто говорит: «Люблю».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В Закарпатье живет группа литераторов венгерского языка. Многие из них являются членами литературного объединения венгерских литераторов. Недавно областное издательство выпустило сборник «Закарпатские рассказы» на венгерском языке, в который вошли новые произведения более десяти венгерских и украинских прозаиков Закарпатья.

Более 25 лет работает инженером-геологом Г. Федосеев, автор книг «Тайные встречи» и «Мы идем по Восточной Саяне». Недавно вышла его новая книга «В тисках Джугдыра». Обсуждению этой книги было посвящено заседание комиссии по русской литературе Союза писателей СССР. Выступавшие говорили о растущем мастерстве автора и как особую удачу отмечали созданный им образ замечательного следопыта звенка Улукиткана.

Общественность Литвы отметила шестидесятилетие Евы Симонайте, известной русскому читателю по роману «Буше и ее сестры». На торжественном вечере юбиляру был вручен орден Трудового Красного Знамени. Писательница получила много приветственных телеграмм из разных городов страны.

Какие книги нужны для ребят от 2 до 5 лет? Этому вопросу было посвящено заседание московской секции детских и юношеских писателей совместно с представителями издательства Ростизмстрема. В этом году издательство предполагает выпустить более двухсот книжечек «и книжек-игрушек». Вопрос об их качестве не может не волновать писателей, работающих для детей. Об этом говорили В. Важапс, Н. Белинский, А. Алексин, Л. Кассиль, отмечавшие низкое качество книг Ростизмстрема. По инициативе секции создана группа писателей-рецензентов, в задачу которых будет входить ознакомление с произведениями, намеченными к изданию.

В Ленинградском отделении Союза писателей СССР созданы комиссии по литературному наследию писателей: Г. Венуса (председатель комиссии М. Слоновский), С. Колбасева (председатель А. Лебедево), Г. Сорокина (председатель Н. Браун) и литературовед П. Медведева (председатель А. Прокофьев).

Правление Союза писателей Латвии создало комиссию по литературному наследию писателей: С. Берга (председатель Я. Грант), К. Юокума (председатель Е. Лагановский), П. Свариса-Блумфельда (председатель В. Мурже), А. Запроевской (председатель И. Муржине).

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

МОСКВА ВОЕННАЯ

Герои романа Евгении Леваковской «Первая зима» живут и действуют в Москве военной, чей общечеловеческий и величественный образ сопровождается их в радости и горе, в счастье и печали. Книгу открывает картина города, его облика в первый грозный год войны, а в финале романа — Москва оцепеневшая, устремленная на Запад, на врага, который именно в эту первую зиму войны «спину показал». Вначале нам кажется, эта книга написана о первой зиме войны вообще, но чем ближе к концу, тем отчетливее проступают очертания первой зимы подступов.

Писательница во многом обогатила «Московскую повесть», с которой она выступила шесть лет назад. Можно сказать, что мы познакомились с новым произведением, где образ военной столицы, дыхание того сурового и тревожного времени переданы с большей художественной достоверностью, чем это было в первом варианте романа. «Старый, умный город» здесь выступает свидетелем и участником событий, и в трудные моменты решаются судьба Родины и судьбы отдельных людей. И тепло человеческих отношений, это животворное тепло, в холодную и суровую зиму согревает как бы и сам город.

Автор не ставит своей целью создать широкое эпическое полотно. Это — лирическая книга, раскрывающая переживания человека во всей их сложности. Основных героев — семью Стариковых, особенно Кира, Алеша, Григорий — Савиных, — живут на страницах книги каждый своей и в то же время общей жизнью. В те дни, когда враг вплотную подошел к Москве, они не утрачивают веры в будущее. Их чувства не оскучают, а становятся обостреннее, трепетнее, глубже.

Е. Леваковская вместе со своими героями ополчается против пошлой формулы, ходившей в обязательных кругах. Основная тема — семья Стариковых, особенно Кира, Алеша, Григорий — Савиных, — живут на страницах книги каждый своей и в то же время общей жизнью. В те дни, когда враг вплотную подошел к Москве, они не утрачивают веры в будущее. Их чувства не оскучают, а становятся обостреннее, трепетнее, глубже.

В начале книги автор отчетливо выразил свою позицию: «Равнодушие — одно из худших человеческих свойств, глупая стена между человеком и миром. Люби или ненавидь, утверждай или протестуй, но не будь равнодушным!» Этому кредо следуют и герои Леваковской. Их страстное отношение к жизни, к людям, к судьбе Родины — вот то, что, несомненно, возволнует читателя, а если возволнует, значит, и подчинит его своему влиянию. Лиризм книги и определяется этим горячим отношением автора к событиям и героям.

И может быть, с наибольшей отчетливостью приметя сурового времени раскрываются нам в романе именно человеческих отношениях. Впечатляюще написана встреча Кира и Григория в страшную непогоду, на вокзале, между воинскими эшелонами. Их притянула женщина в маленьком домике пристанционного поселка. Сильное, яркое и в то же время горькое счастье их встрече находится совсем рядом с большим, неизбывным горем. В то время, когда Кира и Григорий не смотрятся друг на друга, не наговариваясь, — рядом, в кухне, занимается полушубок Григория до времени состарившаяся женщина, потерявшая на войне мужа. И мы всрм — это жизнь, это война, это правда.

В книге нет широкого охвата исторических событий, да автор к этому и не стремился. Но по сравнению с «Московской повестью» Е. Леваковская расширила рамки повествования, введя в него фронтальные эпизоды. Они написаны правдиво, неприкрашено. А жизнь самой Москвы, ее обитателей изображена более гладко. Здесь действую только честные, хорошие люди. Конечно, это они отстают город и страну. Но ведь были трусы и враги, безжалостно от трудностей, от опасности. Эти черты, дополняющие сложную обстановку в роман большую остроту.

Евгения Леваковская много поработала над языком романа. Он ярок языком «Московской повести». Мысли здесь часто облекаются в четкую афористическую форму. Можно сказать, что писательские слова «покорились», хотя и не в полной мере: в романе еще встречаются книжные обороты, неудачные, вымысленные сравнения.

С интересом прочитав книгу Леваковской, читатель ждет от нее новых произведений, уже о наших днях, где он надеется встретиться с хорошими советскими людьми, которых любит и умеет изображать писательница.

Л. ФОМЕНКО

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

«Пластуны шли дальше на запад, к ликующей Праге, через празднично украшенные города и села, мимо чехов, которые дали им цветы и улыбки». Прочел я эти заключительные слова сборника «Рассказы о пластунах» Владимира Моначева, и меня охватило то щемящее чувство легкой грусти, которое невольно испытываешь, вспоминая ушедшее.

Цветы и улыбки... Время слагало в памяти многие впечатления тяжелых будней войны, разрешил запахи цветов, которыми одаривали чехи своих освободителей — советских воинов, застольно сияние счастливых улыбок, озаривших в те радостные дни Победы лица миллионов людей. Но по мере того, как читал я, одна за другой, все десять рассказов сборника, знакомые имена, лица пластунов, боевые эпизоды, сверкающие солнечного неба первых дней мира — все перенитое снова вспыхнуло, захватило меня целиком.

Старшина Владимир Моначев, ныне кубанский писатель, автор нескольких книг, в годы войны служил в редакции газеты пластуновского полкового соединения. Герои его рассказов — советские пластуны — не вымышленные и не собиравшиеся литературные образы. Это — подлинные люди, чьи подвиги, имена запечатаны в боевых донесениях, в истории пластуновских частей, в коротких, торопливых корреспонденциях солдатских газет тех лет. Автор меняет лишь имя или только буну фамилии, еще какую-нибудь примету, чтобы избе-

Книги о доблестях, о подвигах, о славе...

жить фотографичности, не быть связанным местом и временем. Вот деловитый, обстоятельный во всем пластун Никифор Мамма из рассказа «Возвращение Никифора Мамки». Помнится, газета нашего соединения, в которое входили пластуныские части, писала о Мамке, как о вдумчивом агитаторе, умевшем удивительно простыми, понятными словами найти «ключик к сердцу казана». Вл. Моначев показывает Мамку в ином ракурсе, раскрывает в его поступках, побуждениях, мыслях внутренний мир человека долга, глубоко чувствующего свою ответственность за судьбу Родины.

Герои других рассказов Вл. Моначева — шустрый, мешковатый комсорг полка Давин (настоящая фамилия его — Даев). Недиплом, развязный, расхлябанный назек четвертой сотни, ставший впоследствии одним из лучших снайперов соединения, медицинская сестра Галина Баштык, парторг сотни Плетнев, хорист ансамбля Перепелин, ординарец Чухлеб — показаны писателем все оные — в быту скромные, казалось бы, такие обычные люди — в боевой обстановке, в момент наивысшего напряжения сил преобразуются, раскрывают свои самые лучшие человеческие качества, становятся подлинными героями. Их, людей разных характеров, возрастов, судеб, родит одна общая черта — душевная чистота, доброжелательство, в самом широком смысле этого слова.

В предисловии к книге о пластунах читатель предупреждается о том, что автор не ставил своей задачей написать историю пластуновского соединения или проследить весь его путь. Тем не менее десять рассказов Вл. Моначева, собранных в книгу, дают если не полное, то ясное представление о высоком моральном духе этого воинского землячества, о славном боевом пути советских пластунов в годы Великой Отечественной войны, участвовавших в освобождении братских народов Польши и Чехословакии.

Возможно, придирчивые критики найдут в этих рассказах стилистические, а военные специалисты — уставные «огрехи». Но несомненно одно: книга «Рассказы о пластунах» — успех в творчестве Вл. Моначева, писателя военной темы, вдумчивого, серьезного.

Н. БОЛОТНИКОВ

ВСЕГДА В ПОХОДЕ

Когда заканчиваешь чтение книги очерков и рассказов Константина Лапина, становишься богаче — ты узнал многое, чего не знал раньше или о чем имел неточное, поверхностное представление. В то же время перед тобой встает и облик самого автора, литератора, все время находящегося в походе.

На огромных просторах советской земли шла жестокая война, — и Константин Лапин можно было увидеть в армейской редакции, на батальонном КП, на переднем крае и в резерве... Здесь рождались его рассказы военно-корреспондента, и среди них наиболее, на мой взгляд, удачный — история жизни и гибели чудесной русской девушки санитарки Маша Вельевская.

Окончилась война, народ начал свои огромные созидательные работы. На Волге у Жигулей возникло строительство крупнейшего гидроузла — Кузбильшевской ГЭС, и снова — в котлованах, на бетонной эстакаде, в кабине самосвала или на земснаряде — можно было встретить писателя и журналиста Лапина.

Лапин знает жизнь, любит ее, знает людей, о которых пишет. В каждом рассказе чувствуешь его доброе отношение к людям, стремление увидеть лучшее, что в них есть.

Вот рассказ «Первый бой». Военный корреспондент Юрий Коротов отправляется на передний край, чтобы описать первый бой, который должен возглавить молодой лейтенант Власов. Но обстоятельство складывается так, что корреспонденту не приходится ничего описывать — лейтенант убит, а Юрий Коротов вынужден сам провести этот бой... Все интересно здесь — и сама идея рассказа, и те детали, которые дают отчетливое ощущение сложных душевных движений в часы жестокого испытания.

Или рассказ «Шагающий Петей». Он весь пропитан добрым, озорным юмором. Демобилизованный моряк, старшина первой сотни Петро Шкромала, с которым Лапин встретился в Ставропольском доме колхозника, обладал поразительной физической силой. Он мог вручную закрутить гайку величиной с детскую голову, и когда орданцы понадобилось открутить гайку, закрепленную Шкромалой, три человека, измучившись вконец, ничего не смогли с ней сделать...

Этот добродушный гигант, прозванный «шагающим Петей», как-то оказался не в дел. Пришлось подождать несколько дней, пока к земснаряду, в сборке которого он должен участвовать, подведут электропроводку. Вынужденное безделье тяготит Шкромалу, и однажды утром он отправляется на стройку, чтоб кому-нибудь чем-нибудь помочь...

У него лаяная голова, феноменальной силы руки, но все его усилие оказывается и лишним, и смешным... Механизмы, которых много на стройке, делают все и легче и быстрее... И богатырь возвращается в гостиный мрачный — его сила только позабывала людей, а реальною помощью принесли лебедки, автомашины, бульдозеры...

Прочитав книгу Лапина, радуешься новому, что из нее узнал, радуешься на многие просчеты, и вдруг приходишь в голову мысль, что в какой-то степени Петро Шкромала сродни самому автору. Писатель обладает большой силой — ее дает ему знание жизни, пристальный к ней интерес... Но, подобно своему герою, автор не всегда умеет с толком этой силой распорядиться... Там, где требуется легкое усилие, — он совершает чрезвычайный нажим; там, где должна следовать одна авторская ремарка, — идет длинное описание... Нередко автору изменяет чувство меры, он забывает о святом законе — лаконизме. И, не в силах остановиться, он ведет и ведет далеко уже законченный рассказ.

Это особенно заметно в таких вехах, как «Отец», «Постройная» и некоторые другие.

В воинскую часть приезжает капитан Ломачин. Здесь служил и тут побое Юсн Юрий... Вот и весь факт, положе-

ный в основу рассказа. Но сколько здесь лишних рассуждений, как подробно рассказана биография капитана... И тутчас исчезают простые, выразительные слова, и на их месте появляются длинные напыщенные фразы: «Трудно, невозможно было поверить, что Юрий, прекрасный, доброго юности, который только что начал жить, нет больше на земле. Нестерпимо захотелось убедиться своими глазами в странной правде, найти могилу, над которой выведено родное имя. Хотелось во весь голос прокричать о своем горе и скорби, хотелось повелевать всей землей советской, какого сына она потеряла!.. Но, видно, не был поэтом Анатолий Степанович, не шли из-под его пера стихи. Свои мысли и чувства он лучше выразил в коротком, как выстрел, рапорте на имя Наркома обороны».

Так «красиво» пишет Лапин. А вот как разговаривает его герой: «Да, да!.. Я был прав, совершенно прав... задумчив проговорил капитан. — Позняя — удел избранных натур. Как сказал поэт: «Звук умертвий, музыку я разжал, как труп. Поверил я алгеброй гармонии... А мы — солдаты, наша гармония Суворовым сложена: «Чем сподручней — тем и бей!» И совершенно правильно я делаю, что попросился в строй на свое место. Вернее, на Юркино опустевшее место в строю».

Читаешь, и становишься неловко... словно попал в воздушную яму... Но ведь трасса-то Лапину известна, зачем же так неосторожно? Он обращается со своим орудием — словом?

Впрочем, так всегда бывает. Наряду с первыми удачами случаются и первые просчеты. Важно только, чтоб удачи множилось, а просчеты исчезали.

И. ГОРЕЛИК

ВМЕСТЕ С ГЕРОЯМИ

«Он вернулся ко мне, хотел что-то сказать, но не знавал, остановил взгляд на белом Севастополе, над которым поднимались дымы пожара, и на голубом, залитом осенним солнцем море. Я успел перерядить ленту, и комбат вновь нажал гашетку. Но глаза его вдруг закрылись, из виска брызнула кровь, обливая пулемет и руки... Я пытался оторвать руки комбата от рукоятки пулемета, но они намертво зажали гашетку. Пулемет жавал ленту с латуными патронами. Я обнял комбата, повернул пулемет на атакующие цепи врага. Я только целился. Руки мертвого капитана-лейтенанта держали гашетку на спуске».

Не совсем удачно озаглавлена книга Леонида Коробова — «В беседе с вашим корреспондентом». Она возникла отнюдь не из бесед, и не о беседах рассказывает. Леонид Коробов как журналист интересен именно тем, что почти ничего не пишет с чужих слов. Он сам ввязывается в события. Предисловий этой заметке отрывок из севастопольского дневника вполне характеризует творческую манеру и позицию автора. Материал книги не раздобыт, а нажит.

Мы иной раз слышим от негоду по поводу того, что очеркист делает себя действующим лицом произведения. Дурная привычка, если бы Л. Коробов вознамерился исключить свое «я» из очерков, он не смог бы написать ни строки.

В памятные предвоенные годы «Комсомольская правда» со всей страстью героической юности поднимала молодежь на овладение летным делом. В пору расцвета наших аэроулубов, когда крылатые питомцы комсомола штурмовали небо, репортер «Комсомолин» Леонид Коробов, чтобы суметь только написать о юных пилотах, сам сделался летчиком. Чтобы удался очерк о мастерах высшего пилотажа, он сам становится воздушным виртуозом и ради полноты ощущения вместе с героями очерка кубырывается в облаках.

Первые главы книги, где повествуется о летной страде, написаны слабо, и иной раз даже кажется, что автор так и писал, не выходя из сложного выража или пети. Однако читатель, тем паче молодой, не оставит равнодушным такого рода романтический репортаж из прошлого. В нем живой опыт комсомола и комсомольской журналистики.

Куда лучше написаны военные главы, и особенно суровая, мужественная проза партизанских дневников знаменитых новокосовских походов по тылам врага. Здесь мы видим в отважных рейдах Коробова — бойца, разведчика, автоматчика, выполняющего с оружием в руках свой корреспондентский долг, берущего «материал» и «интервью» в громе атаки и в грозном безмолвии лесной засады. Но мы видим здесь и Коробова-литератора, владеющего пером. Перо это сумело передать не только героизм и обаяние партизанских вожаков, сумело не только нарисовать много портретов рядовых воинов храброго воиска, но и донести до читателя воздушную идею партизанской стратегии. Можно бы привести тут в доказательство замечательные сцены, монологи и диалоги, однако мне представляется достаточным для этого случая одно, восхитившее Сидора Артемьевича Ковнака:

« — Что же вы делаете, что ж вы мне в соединении партизанщину разводите? »

Весь очерк, в сущности, служит художественным свидетельством того, что великое движение народных мстителей не было партизанщиной.

Партизанским дневникам уступают торопливые берлинские записки, несколько сухо рисующие традиционную заключительную операцию наших войск.

Нельзя считать удачей и последний раздел, где писатель замечает отход от своей манеры: он повлывает гостем в родном селе после всех походов и боев. И делать ему тут вроде нечего, вот и пишется с трудом. Телпота и лиричность этих страниц не возмещают яркости действия. Нет, очерк наблюдателя — не свойственный Л. Коробову жанр. Об этом, собственно, говорит вся его книга, хорошая в целом, журналистская книга. Увы, такими книгами наш издательство еще порой пренебрегает.

Если бы редактор «Советского писателя» Д. Юферев помог Л. Коробову удалить (или наудомлял переписать) слабые места и освободить текст от выражений вроде «при тусклом свете лампы» или «над местом закопчавшимся сучья», книга стала бы еще лучше.

М. ШУР

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 23 21 февраля 1957 г.

СВОБОДУ ЗАПАДНОМУ ИРИАНУ!

Я считаю несерьезными все доводы, выдвигаемые голландскими колонизаторами для оправдания захвата Западного Ириана. Так, они утверждают, что по своей расовой принадлежности население Западного Ириана отличается от свободного индонезийского народа. Однако с точки зрения географии и культуры оно ближе Индонезии, чем Голландии. Кроме того, многие современные нации состоят из различных этнических групп, имеющих иногда различные языки и различные культуры. Сама голландская нация по своему составу не однородна, в настоящее время голландцы вынуждены даже разрешить употребление фризского языка в школах и в судебных органах провинции Фрисланд.

Голландцы то и дело ссылаются на расовые различия между населением Западного Ириана и Индонезии, однако помалкивают о жителях острова Халмаера, язык которых не входит в группу австронезийских языков. А ведь все индонезийские языки принадлежат к этой группе.

Когда голландцы утверждают, что именно они способны дать населению Западного Ириана руководство на пути к прогрессу, то мы хорошо понимаем, о чем идет речь: индонезийцы, находящиеся в течение трех веков под голландским руководством, превратились в отсталый народ!

Кроме того, жителям Западного Ириана угрожают и другие опасности. Если их земли будут заселяться голландцами, то население Западного Ириана подвергнется истреблению, как это было с индейцами в Соединенных Штатах Америки и с коренными жителями Австралии.

Следовательно, население Западного Ириана не только будет объектом эксплуатации, но и постепенно совсем исчезнет с лица земли.

Воссоединение с братьями-индонезийцами, включение Западного Ириана в состав Республики Индонезия — вот залог благополучия народа Западного Ириана. Лозунг «Bhinneka Tunggal Ika», что значит «Различные, но едины», гарантирует народу Западного Ириана сохранение самобытности его языка и культуры, равно как и его безопасности. — ведь он будет представлять собой неотъемлемую часть индонезийского народа, насчитывающего более 80 млн. человек.

Если бы даже голландцы и не признали точку зрения Индонезии, согласно которой Западный Ириан некогда входил в состав Маджапахита**, то голландский гнет все равно уже сделал судьбу Западного Ириана и Индонезии единой. И индонезийская освободительная революция потребовала независимости для всей Индонезии. То есть для всей бывшей Голландской Индии. Ибо пока Западный Ириан будет находиться под гнетом Голландии, ирианский народ будет испытывать горести и унижение, а безопасность уже независимой Индонезии будет оставаться под угрозой.

Потому как для благополучия народа Западного Ириана, так и для благополучия уже добившегося независимости народа Индонезии объединение Западного Ириана и Индонезии в единое государство необходимо. Импералистическим государствам, которые открыли или тайно все еще поддерживают голландский колониализм, следует понять, что их усилия напрасны. Западный Ириан — неотъемлемая часть Индонезии.

Профессор ПРИНО, индонезийский общественный деятель, лауреат международной Ленинской премии мира

ДЖАКАРТА

* Слова, написанные на государственном гербе Республики Индонезии.
** Маджапахит — государство, существовавшее в Индонезии в XIII — начале XVI вв.

В конце прошлого года власти Южно-Африканского Союза заключили в тюрьму 150 оппозиционных лидеров, выступавших против провозглашения Арстованином предельно обвинение в «государственном измене» и «подстрекательстве». Судебный процесс демократических деятелей Южно-Африканского Союза длится два месяца. На снимке: негритянское население Йоханнесбурга протестует против фашистского провозглашения правительства Стрейдома. Снимок из английского журнала «Сфинкс».

ГДЕ ХУЖЕ?

«По южно-африканским законам негры не имеют права выезжать из своих резерваций» без разрешения, не имеют права владеть собственностью вне своих резерваций, не имеют права занимать общественные должности,

не имеют права вступать в профсоюзы и бастовать, не имеют права посещать те же школы, что и белые,

не имеют права покупать и пить алкогольные напитки, не имеют права жениться на белых, не имеют права сидеть в тех же автобусах, что и белые,

не имеют права ездить в тех же железнодорожных вагонах, что и белые, не имеют права садиться на скамейки в надписью «только для белых» на станциях, в парках,

не имеют права посещать те же театры, отели и рестораны, что и белые, не имеют права путешествовать по стране без особых пропусков,

не имеют права заниматься квалифицированным трудом, за редким исключением. Этот выразительный список запретов, существующих в Южно-Африканском Союзе для негритянского населения, приведен в американском журнале «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт».

Журнал посвящает большую статью сегрегации негров в стране, где власть находится в руках Стрейдома.

Бесправные негры в Южно-Африканском Союзе действительно безмерно. Коренные жители страны (в ЮАС живет 9,1 миллиона негров, 1,2 миллиона людей смешанной крови и только 2,8 миллиона европейцев) лишены самых элементарных прав. Они не имеют права жить рядом с белыми, а выселены в особые резервации. Они почти полностью лишены права голоса. По закону каждый, кто нарушает эти драконовские правила, подвергается самому жестокому наказанию. По данным «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», ежегодно около 300 000 негров приговариваются к тюремному заключению. Достойно высказаться свое несогласие с сегрегацией, чтобы быть высланным из своего дома даже без суда.

Но не только приходится и тем европейцам, которые пробуют возразить против расовой дискриминации. Даже сплоченное осуждение сегрегации приравнивается в Южно-Африканском Союзе к «подстрекательству» и подготовке свержения существующего строя революционными методами.

Факты, приведенные «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», не могут не вызвать возмущения. Но невольно возникает вопрос: почему реакционный американский журнал вдруг занялся разоблачением расистских порядков в Южно-Африканском Союзе?

Ответ можно найти в самой статье. «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» выступает в роли «защитника» прав негров с единственной целью: доказать, что в Соединенных Штатах Америки дело обстоит по-иному и нег-

ры живут в некоем «райе». Журнал утверждает, что США борются против расовых, отменяют законы о сегрегации и так далее и тому подобное. А если и существуют «некоторые ограничения» для цветного населения в США, то это сам бог велел. Ведь, напоминает журнал, белые — хозяева в Америке. Если в Южно-Африканском Союзе европейцев меньшинство, то в США отношение между белыми и цветными составляет 10:1. И так, не возмущайтесь порядками в Соединенных Штатах, будьте довольны, — в Южно-Африканском Союзе хуже! «Для того, чтобы получить представление, как другая страна разрешает расовые проблемы, посмотрите на Южно-Африканский Союз», — пишет «Юнайтед Стейтс ньюс».

Но, преследуя столь ясную пропагандистскую цель, редакция журнала проявила явную неосмотрительность. В том же номере, где помещена статья о расовой дискриминации в Южно-Африканском Союзе, в разделе новостей опубликована небольшая заметка. Она создает совершенно иное представление о пресловутом «негритянском рае» в Соединенных Штатах Америки. Это хроника одного лишь дня в нескольких негритянских резервациях, где негритянское население борется против унизительного закона запрещающего неграм сидеть в одних автобусах с белыми. Местные власти и не думают препятствовать бесчинствам расистов. Наоборот, они поощряют их.

В Бирмингеме (Алабама) негры вторглись в автобусы и сели, где они захотели. Большое число негров было арестовано. Дом негритянского руководителя был забросан бомбами...»

В Монтгомери (Алабама) пулеметный огонь обрушился на два автобуса в негритянский квартал. В одном автобусе находились четыре негра, но ни один не был ранен. В другом не оказалось никого...»

В Таллахасси (Флориды) пассажиры негров в автобусе игнорировали сегрегационные знаки. Для того чтобы избежать беспорядков, местные власти отменили рейсы по этой линии. Когда водители отказались выполнять распоряжение, их арестовали...»

Таковы факты. И это лишь самая ничтожная часть тех унижений, преследований и оскорблений, которым подвергается негритянское население в стране хваленной американской демократии.

Как бы ни старался «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», ему не удастся убедить общественное мнение в «справедливом разрешении расовой проблемы» в США. Да, американские расисты лишены возможности применить столь изощренные методы сегрегации, как их южноафриканские собратья. Но и положение негров в США, да и не только негров, а филиппинцев, португальцев, китайцев, всех тех, чей цвет кожи отличается от кожи белых, не имеет ничего общего с представлением о равноправии.

А. Б.

АМЕРИКАНСКИЕ ТАРТЮФЫ-КОЛОНИЗАТОРЫ

М. МАРКОВ

«Я хорошенько прицелился и всадил ему пулю прямо в глаз». «Я выхватил револьвер и выстрелил ему в пах». «Я поблагодарил его за помощь, а потом дважды прострелил ему череп». Что это — цитаты из американского детективного романа? Нет. Это выдержки из недавно вышедшей в Нью-Йорке книги некоего Уильяма Болдуина «Охота на Мау-Мау». Подзаголовки книги гласят: «Приключения единственного американца, который сражался с террористами в Кении».

Уильям Болдуин после окончания колледжа у себя на родине нанялся в английскую колониальную полицию в Кении. Пышные фразы о преданности Америки принципам свободы и демократии, которыми Болдуин пичкали на школьной скамье, не помешали ему не только облачиться в мундир английского колониального полицейского, но и проникнуться «идеями» колониализма: «Я видел в этих Мау-Мау диких зверей, зараженных опасной болезнью, и считал, что если их оставить в живых, то они будут постоянной угрозой для общества».

Не удивительно, что книга Болдуина, в которой он, так сказать, увековечил свои «подвиги», встречена в США не без смущения. Книга более сильную реакцию, а именно возмущение, вызвала у реакционной американской критики другая книга об американце — участнике колониальной войны: «Тихий американец» Грама Грина. Хотя герой романа английского писателя Олден Хайл — лицо вымышленное, его образ действий более типичен и более соответствует тактике США в колониальном вопросе, чем прямолинейные действия, предпринятые Болдуином в порядке «частной инициативы».

Хайл открыто не охотится за черепами и скальпами. Он — сотрудник американской «миссии экономической помощи». Но в результате его «благотворительной» деятельности гибнет множество вьетнамцев. И все это совершается под аккомпанемент деклараций о «высокой миссии, которую США выполняют по отношению ко всему человечеству».

«Америка — страна с чистыми руками», — утверждает Хайл. Она не замарана грязью колониализма. Ту же мысль изо дня в день повторяют на все лады наставники болдуинов и пайлов в колледжах, провинциях, министерствах, сенатах, продажные журналисты и прочие.

Легенда о непричастности США к империалистическому колониальному грабежу начала создаваться с того самого дня, когда заокеанские хищники запустили когти в горло первой жертвы. В 1898 году США на глазах всего мира предательски захватили Филиппины. Все видели? Ну и что из этого? Президент Мак-Кинли доверительно рассказывал всем свету, как это в действительности произошло. Оказывается, он каждый вечер рассказывал до полудня по Белому дому и не раз опускался на колени, моля всемогущего бога о просветлении в руководстве. И господь вынул молящемуся из кармана «невидимую империю». На карте ее не увидишь, но, пригласившись к той или иной стране поближе, обнаруживаешь, что она находится в котлах американских банкиров и крупных предпринимателей.

Важнейшей частью этой «невидимой империи» являются страны Латинской Америки. США не могли не позавидовать о двадцати своих маленьких «братьях». Они благородно выжидали бы опекунами — распорядителями их громадных богатств: венесуэльской нефти, чилийской меди, бразильского олова, кубинского сахара и никеля, бразильского железа и юфы. Маленькие «братья» частично по своему неразумию оказывают сопротивление, и опекуны приходится вразумлять их пулеметным огнем и бомбами. А сколько у

прямом участии всевышнего — на карте США очутились и другие их колониальные владения. Вель Иисус Христос умер и за гаванцев, и за пуэрториканцев, и за обитателей Виргинских островов в Карибском море, и Маршалловых, Марианских и Каролинских островов в Тихом океане. А жители японского острова Окинава, китайского острова Тайвань, Южной Кореи? Разве Христос не умер за них? А латиноамериканцы? Наносить все эти острова и страны прямо на карту американских владений было неудобно, но и «не сделать для них все, что мы в состоянии сделать», — тоже не по-христиански. Если считать все те районы, о которых несутся ныне американские благодетели, включая все их постоянные военные базы в Европе, Азии и Африке, то можно будет сказать, что солнце никогда не заходит над американской империей.

В солидном органе американского бизнеса — журнале «Форчун» напечатано любопытное объявление, рекламирующее виды предпринимательской деятельности в Пуэрто-Рико. Журнал этот читают люди деловые, поэтому вместо завлекательных картинок, изображающих залитые солнцем пляжи на побережье Карибского моря и обольстительных мулаток, в центре объявления были помещены две таблички голых цифр:

Если в США ваша чистая прибыль после уплаты налогов составляет (в долларах):

Если в США ваша чистая прибыль после уплаты налогов составляет (в долларах):	то в Пуэрто-Рико она будет равняться:
29.500	50.000
33.500	100.000
245.500	500.000
485.500	1.000.000

Почему? Потому, что в Пуэрто-Рико вы будете освобождены не только от федеральных подоходного налога, но и от местных налогов. «Освобождение вас от федеральных налогов», — разъясняется в объявлении, — это не уступка. Оно проистекает из исторического американского принципа: «никакого налогообложения без представительства». Пуэрто-Рико предумышленно не предоставляет права голоса в американском конгрессе. Не пользуются правом голоса и правом контроля над своей экономической и другими «территориями» США, — так их удобнее грабить.

США практикуют дифференцированный подход! К чему аннексировать ту или иную страну, если можно превратить ее в свою колонию с помощью совсем иного оружия — капиталовложений, займов, кабальных экономических договоров и т. п. В своей книге «Очерки по истории», написанной в форме писем к дочери, Джавахарлал Неру почти четверть века назад указывал, что США владеют, помимо всего прочего, некоей «невидимой империей». На карте ее не увидишь, но, пригласившись к той или иной стране поближе, обнаруживаешь, что она находится в котлах американских банкиров и крупных предпринимателей.

Важнейшей частью этой «невидимой империи» являются страны Латинской Америки. США не могли не позавидовать о двадцати своих маленьких «братьях». Они благородно выжидали бы опекунами — распорядителями их громадных богатств: венесуэльской нефти, чилийской меди, бразильского олова, кубинского сахара и никеля, бразильского железа и юфы. Маленькие «братья» частично по своему неразумию оказывают сопротивление, и опекуны приходится вразумлять их пулеметным огнем и бомбами. А сколько у

старшего брата, учителя и наставника, хлопот с латиноамериканскими президентами! В Венесуэле, например, пришлось объявить правительство Ромуло Гальгоса «коммунистическим», провозвести переворот и установить военную диктатуру, чтобы добиться снижения налогов на нефть. Эта финансовая операция дала Рокфеллерам — хозяевам венесуэльской нефти — за один только 1954 год 331 миллион долларов сверхприбылей дополнительно к «нормальной» прибыли, получаемой ими ежегодно в этой стране.

Ну, а американская помощь Латинской Америке — это щедрая помощь, вдохновляемая межамериканской солидарностью? Разумеется, она оказывается: в том же самом году, когда «Стандард Ойл» положила в свои сейфы 331 миллион долларов «дополнительных» прибылей, всем двадцати латиноамериканским республикам было предоставлено 47 миллионов долларов американской помощи!

Бывший президент Гватемалы Хуан Хосе Аренало характеризует отношения между США и двадцатью латиноамериканскими республиками, как отношения между акулой и сардинами. Акула пожирает сардины интеллигентно, в полном соответствии с принципами «западной демократии»: на основании «панамериканских» и двусторонних экономических и военных соглашений. Эти соглашения налагают на экономику и финансы страны, подписавшей их, непосильное тяжелое бремя. Но что за дело до этого янки? «Наша судьба», — горько пишет Аренало, — подобна судьбе Бельгийского Конго. Нигерия или Малагаскара...»

Методы колониального порабощения, испытанные в Латинской Америке, США практикуют ныне и в Азии, в странах, вошедших или в агрессивный блок СЕАТО. Мы встречаем здесь уже знакомую механику: американские военные советники и инструкторы распоряжаются вооруженными силами Филиппин, Таиланда, Пакистана; военные и экономические соглашения предписывают этим странам, с кем и чем торговать, и закрепляют за американским «союзником» господствующие позиции в их экономике. Обязательность Азии без труда разгадала истинную колониальную сущность СЕАТО, несмотря на самую тщательную маскировку, к которой прибегают ее американские инициаторы. «Это», — заявил во всеуслышание видный государственный деятель Индии Б. Мехон, — «современный вариант протектората».

Сравнительно недавнюю историю имеет американское колониальное проникновение в Африку. Специальная миссия, командированная туда в 1955 году американским конгрессом, по возвращении в США опубликовала доклад, в котором констатировала: Африка — это «континент, который бог держит в резерве». Правда, англичане, французы, бельгийцы и португальцы откусили уже солидный кусок этого лакомого пирога, но ведь и Латинская Америка не была, употребляя популярное ныне в Вашингтоне словечко, «вакуумом», когда США обратили на нее свои благосклонные взоры! Американская акула завоевала свое «право» питаться латиноамериканскими сардинами в борьбе с другими империалистическими акулами.

Американских конкистадоров страшит сопротивление колониальных народов, все решительнее поднимающихся на борьбу за национальную независимость. Африка бурлит. Здесь-то как никогда более и нужнее миф об «антиколониальных» традициях США. Деловито перечислив природные богатства и стратегические выгоды «Черного континента», авторы упомянутого доклада тут же заявляют: «Главное — мы должны доказать всем расам в Африке, что мы очень заботимся о них и об их благополучии».

Как в известной детской игре «да и нет не говорят», черного и белого не покупать, американские государственные деятели усвоились не произносить слово «колониализм» в применении к своей собственной политике. Зато тем усерднее они изобличают в колониализме своих европейских союзников. Однако, когда дело доходит до реальной поддержки борьбы народов против колониального господства, на чью сторону становятся США? Достаточно напомнить об их позиции в вопросах о португальской колонии в Индии — Гоа, английской колонии — Капре, французской колонии — Алжире, голландской колонии — Западный Ириане, чтобы стало ясно, что США выступают как главная опора рущегося колониализма.

Каких толщ плавов спасения колониальной системы (разумеется, при американском заступничестве) не сочиняют в Вашингтоне! Здесь и беззастенчивая «двусторонняя» политика, и менее известный план учреждения федерального органа по планированию мирового развития и расширению свободы, призванного планировать всю американскую экономическую, техническую и культурную «помощь» слаборазвитым странам на предмет прибавляя их к рукам, и новые проекты всевозможных блоков и пактов. «Панамериканизм», «антикоммунизм», «защита святых мест» — все что угодно, только не колониализм!

Как бы богат валас фарисейских фраз и лозунгов, коими пытаются прикрыть свои колониаторские затеи Вашингтонские деятели, ни одного не удастся ввести в заблуждение: сколько ни называй порока карасем, от этого он постнее не станет. Не мешало бы американским руководителям задуматься над тем, что в Азии «ядло Сама» перекрестили в «ядло Шама» — от английского слова «sham» — мошеники. Американские тартюфы уверяют весь мир, что без них народы не сумеют распорядиться своим достоянием. Но миллионы людей отвечают им так, как ответили один из героев мольеровской комедии гнусному святоше-Тартюфу:

Как ни возвышены такие опасения, наследник может быть совсем иного мнения; так разрешите же, пожалуйста, ему Имение свое устроить самому.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. МИРНОВ, В. ФРОЛОВ.

Охваченные гневом

Т. САВИЦКАЯ

увлечение колонизатора чувел животных, препаратов насекомых, пресмыкающихся, рыб. В этом причудливом окружении, роясь в картотеке своей громадной и редкой коллекции, он испытывает наслаждение собственным этим иллюзорным миром законсервированной, защищенной от воздействия окружающего, природы. Слабеет связь Эгмонта с внешним миром. Но бегство Эгмонта оказалось ненадежным. Ночной пожар уничтожает и единственный дом, и пресловутую коллекцию, знаменуя крушение и этого последнего прибежища. С обожженными ногами лежит Эгмонт в доме своего прежнего друга. В ночь пожара он не почувствовал ожогов, потому что, озабоченный спасением коллекции, действовал, не сознавая своей боли. Принятый к постели, он неотступно думает об этом, ищет аналогий своим мыслям в книгах. Так возникает убеждение, что сознание является источником страдания и в конечном счете причиной даже старости и смерти. И Эгмонт совершает над собой эксперимент, близкий к опытам Ягова. Выключая сознание, он погружается в тайные глубины своего физического «я», чтобы приобщиться к существованию простой клетки. Человеческая жизнь становится для Эгмонта только неясным эхом, все более отдаленным, все менее различимым его засыпающим сознанием.

И одновременно с постепенным «умением» Эгмонта происходит такое же медленное и неизбежное пробуждение сознания другого героя книги — профессора Мирамбо. Почти правильно чередуясь, следуют рядом главы об этих двух людях — Эгмонте и Мирамбо, развиваются в композиции книги две линии — испadaющая и восходящая. Не менее чем у прославленного поэта, разный и намек обостренным восприятием интеллект выдающегося ученого. Но Мирамбо чудн самопонятия, он мучивен и созрев в сосредоточенной тишине лабораторий, привык подвергать явления жизни точному анализу. Само понятие справедливости складывается для ученого Мирамбо в результате сопоставления и беспристрастного анализа фактов. Скелетически выслушивает он философствования неизлечимо больного учителя Клоотса. Клоотс спешит закончить книгу, задуманную им в виде пам-

флета на человеческое общество — «длеть медленной смерти», где, кроме смерти, царит еще и смирение перед подлостью жизни.

Однако сам Клоотс, автор этого злобного памфлета, чудн какого бы то ни было антигноя протеста. Так же как и Эгмонт, Клоотс с отвращением отвергает предложение Мирамбо об участии в «комитете бдительности», чтобы воспрепятствовать попыткам властей города нарушить социальную законность. Клоотс сомневается в конкретном смысле понятия добра и зла, — и это основание для Клоотса не вмешиваться в дело бы то ни было ход событий и вместе с тем «единственный способ сохранить определенную внутреннюю чистоту». Чем красивей слова, тем хуже они пахнут, думает старый профессор об этой далеко не новой форме интеллектуального невмешательства.

...Пеллон, молодой профсоюзный деятель, приходит к Мирамбо то просить поставить подпись под заявлением протеста против казни греческих патриотов, то написать воззвание о запрещении атомного оружия. Мирамбо по-своему любит этого серьезного настоящего старости, который представляет новое для профессора поколение — целеустремленное, смелое, честное. Но каждый раз Мирамбо неохотно дает свою подпись: не слышно ли дешево он зарабатывает себе чистую совесть? С этой неуверенностью, встревоженности начинается новый путь Мирамбо, От Пеллона он узнает о маневре предпринимателей против рабочих. Благодаря Пеллону раскрывается перед ним смысл этого заговора, имеющего далеко идущую цель. Тогда Мирамбо впервые сам предлагает Пеллону обратиться на митинге к рабочим и призвать их к единству. Мирамбо кажется, что он очень далек от политики, и лишь элементарное чувство справедливости заставляет его выступать в защиту рабочих. Этот поступок профессора Мирамбо еще действительно политически несознан, но в основе его — простое человеческое чувство любви к людям и мужество, которых не хватало Эгмонту и Клоотсу.

Следуя за Пеллоном мимо убогих простроек, мимо людей с потаскившим взглядом, изуродованных, придаленных беспротестной нуждой, старый ученый с отвращением думает о лицемерии буржуазной формулы «равных исходных шансов». «Свободы мысли» для всех. Эта ницета в глазах ученого — двойное преступление, ибо она означает насиль-

над сознанием, над мыслью людей, обреченных на существование животных, едва они родились. Мирамбо понимает, какого героического труда и энергии стоил такт, как Пеллон и его друзья, подняться над общим уровнем невежества и как неизмеримо большего для человечества стоил их огромные и незаметные усилия принести общую пользу, нежели некоторые легкие и бесполозные дипломы. Рабочим не выкарабкается каждому в одиночку — это ясно, и в душе Мирамбо стремительно, неуловимо думает сознание неразрывной солидарности с великим множеством этих людей. «Черт побери, неплохо таким, как я, изучать сверхидеальность жизни клетки, но для кого? Для этих людей, низведенных до состояния самоорганизации машин? Помоги им, — говорит он себе, — выбраться сначала из грязи, помоги им, хотя бы как Пеллон, не опуститься еще ниже».

Заключительная часть книги, названная «Последнее одиночество», — это итог всех размышлений. В решении проблемы смысла человеческого существования нет и не может быть ни одиночного протеста, ни одиночного спасения. Нет и не может быть только проблемы несовершенства наших знаний, ни проблемы социального неравенства, взятых в отрыве друг от друга.

Простая и сильная правда по-новому осветила жизнь Мирамбо. Он больше не верит в сверхжизнь касты, бегущейся решать за людей их судьбу. Он больше верит в то, что науке нет дела до событий на улице. На своем неизменном посту в лаборатории он отныне мыслится и действиями с ними, с Пеллоном и его друзьями, вместе со всеми жертвами социальной несправедливости, сильнейшим единством с ними и, «как они, не примиримый».

В адрес Вернора нередко замечали, что действующие лица его книг — не столько образы живых людей, сколько носители тех мыслей, которыми их наделяет автор, и важен для него лишь диалог идей, который и составляет сущность книги. В этой последней книге Вернора проблема смысла жизни, проблема места человека в обществе является всепоглощающей. Действительно из книги, из жизни действующих лиц устранено все, что не относится к решению проблемы. Нет бытовых деталей, сюжет приглушен. Было бы правильно, по существу, назвать этот роман Вернора философским, оставив критикам определить точнее его жанровую форму.

Бесспорно, Эгмонт, Мирамбо и Клоотс занимают автора не личной своей судьбой. Каждый из них выражает определенное отношение к жизни. Здесь нет

КНИЖНАЯ ПОЛКА ЗАРУБЕЖНЫХ НОВИНОК

«Я пишу, чтобы разоблачать ложь и несправедливость. Я пишу также для того, чтобы попытаться помочь моим читателям понять смысл их жизни». Так говорил в статье Вернора «Мои взгляды на литературу», обращенной к советским читателям. Это было во время последнего приезда Вернора в Москву, когда он уже работал над своей новой книгой, вышедшей позже под названием «Охваченные гневом».

Сюжет книги, именно та его линия, которая связана с поведением главного действующего лица поэта Эгмонта, может показаться несколько странным, почти фантастическим. И однако при чтении книга производит впечатление и реалистической, и актуальной не только потому, что время и место действия романа — Франция, наши дни, но и потому, что мысли, высказанные в книге, касаются современных общечеловеческих проблем.

Роман небагат событиями, и его действующие лица немногочисленны. Но живут они, глубоко задумываясь над смыслом жизни. Их мысли и беседы, изложение которых образует основную линию повествования, обнаруживают сложность их исканий, достигающих порой трагической напряженности. Человеческая жизнь представляется героям книги несправедливой и жестокой, и одновременно с осознанием этого в них возникает и нарастает чувство протеста, гнева — отсюда и название книги. Однако каждый из них протестует лишь в меру своего, часто ограниченного и ошибочного понимания зла.

Через поражения и заблуждения продвигает тот верный единственный путь, найти который означает для героев книги не просто решить одну из философских проблем, но и найти саму свою судьбу.

Прославленный поэт Эгмонт когда-то участвовал в Сопротивлении, он стал членом коммунистической партии. Но пассивный и слабый, он не в силах отказаться от привычного уюта «чистой совести», взять на себя часть коллективной ответственности в медленной трудовой борьбе, сопряженной с и опасностями, и с поражениями. Он уходит или, скорее, отходит от партии. В тишине загородного поместья уединенного лесу на почти-тельном расстоянии даже от тихого провинциального городка, поэт Эгмонт предается своему новому и последнему

Vercors «Colères». Paris. 1956.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, отдели: литератур народов СССР — Б 8-59-17, информация — К 4-08-69).

Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренней СССР — Б 8-59-17, информация — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.